

ТАТЬЯНА КЛОЧКОВА

ЭХО ВОЙНЫ

В то далёкое время я был очень маленьким, чтобы осмыслить происходящие события. Тогда весь мир делился просто на добро и зло, а происходящее – на хорошее и плохое.

И пусть осевшие в памяти события скупы и отрывисты, и их можно собрать лишь по крохам, но это мои глубокие впечатления, впечатления малого ребёнка, увидевшего «лицо войны».

Помню, что немцы пришли в наш город осенью. Некоторых расквартировали даже в ветхих домах. Наш новый квартирант мне сразу понравился. Он чем-то напомнил отца – худой, небритый, глаза грустные. Добрый дядька. С порога протянул мне шоколад. Я навсегда запомнил этот горький вкус, вкус необыкновенный, «вкус войны».

А утром маму забрали в комендатуру, чтобы вымыть там полы. На большое помещение дали несколько минут. Разумеется, она не успела вовремя. Появился немецкий офицер, стал громко кричать, и что-то приказал нашему постояльцу. Мама как была с тряпкой в руках, так и застыла. Солдат вскинул автомат. Я понял, что сейчас случится что-то ужасное, и бросился к маме. Она подхватила меня на руки, обняла за голову и, глядя на автомат, тихо сказала: «Если стрелять будете, то убивайте обоих»...

Послевоенное время было очень тяжёлым. Отец вернулся с фронта, работал на железной дороге. Мама работала нянечкой в детском саду. Через год у меня появилась сестрёнка.

Есть было совсем нечего. Когда мама уходила на работу или в очередь получать по карточкам муку, мы с сестрой оставались одни. Я играл с ней в своеобразную игру – кормил её своими слюнями. Она так забавно смеялась.

Но однажды мама пришла домой расстроенная. Она долго плакала, часто прижимала к груди сестрёнку и причитала: «Что же делать? Что же делать? И есть нам завтра нечего...»

Отец пришёл с работы ночью, когда все уже спали. На следующий день мама никуда не пошла, она весь день проплакала, ходила из угла в угол, а к вечеру успокоилась. Уложила нас спать, нежно и долго целовала каждого. Как будто прощалась с нами.

Утром я проснулся рано. Отец сидел на кровати, обхватив голову руками. Вскоре появилась тётя, мамина сестра. Мы оделись, собрали вещи и молча ушли к ней на соседнюю улицу.

Через день я, сестрёнка, отец и тётя, а также ещё несколько незнакомых людей стояли на кладбище. На земле лежал закрытый гроб. Сестра, конечно, ничего не понимала, пялила глаза и прижималась к отцу. Я тоже плохо соображал, что произошло. Услышал только шёпот сзади: «...деньги потеряла, бросилась под поезд».

Когда гроб стали опускать в могилу, сестрёнка, уставшая стоять, начала хныкать и теревить отца за полу телогрейки, чтоб он взял её на руки. Но отец молчал, смахивая слёзы и не обращая ни на кого внимания. Сестрёнка заревела, обеими руками вцепилась в куртку и повисла. Старая подкладка разорвалась, из ватника на песок посыпались цветные бумажки. Присутствующие обмерли от удивления, все повернулись на отца.

От ветру одна бумажка слетела в яму и медленно легла на гроб. Люди зашептались, но никто не двинулся с места.

Отец молча присел, взял всё, и ни на кого не глядя, быстро пошёл, почти побежал прочь. Сестрёнка так и осталась на песке с открытым ртом смотреть ему вслед.

После этого я больше отца не видел. В жизни началась новая полоса – меня ждал детский дом.

Иногда, словно откуда-то издалека, вспоминается всё это и отзывается где-то в моей душе далёким эхом, эхом войны.

Весна 2007г.

<http://authors.tvercult.ru/tczirubalko>